

FOREIGNERS IN RUSSIAN SERVICE

DOI 10.15826/qr.2017.1.218

УДК 94(571.1/.5)+314.72+325.1(495)

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА ГРЕЧЕСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XVII в.: ПУТИ И СУДЬБЫ*

Татьяна Опарина

Российская академия живописи,
ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
Москва, Россия

THE DEPORTATION OF GREEK SETTLERS TO SIBERIA IN THE 17TH CENTURY: ROUTES AND DESTINIES**

Tatiana Oparina

Ilya Glazunov Academy of Painting,
Sculpture, and Architecture,
Moscow, Russia

This article is devoted to the exile of Greeks to Siberia during the first half of the 17th century. Siberia's colonisation by voluntary immigrants and exiles gave rise to a complex ethno-cultural environment characterised by a mixture of cultures and traditions. It may seem surprising that Greek immigrants lived in such a severe climate, but a colony was formed in Tomsk in the 17th century: it consisted of exiles sent from Moscow to Siberia for various crimes. Exiles would often have unusual fates, which is illustrated here by four biographies. Two exiles (Stepan Aleksandrov and Nikolay Petrov son Skularikov) were false monks who had come to Moscow to collect donations: they then practised alchemy with the help of a magic crystal in an attempt to make gold. The other two came from Trebizond and might have

* Исследование подготовлено при поддержке РФНФ (международный проект КЕРИЕ № 12–21–14001). Автор приносит глубокую благодарность О. Ф. Кудрявцеву, В. Г. Ченцовой, И. Р. Соколовскому за помощь при работе над статьей. Светлая память Д. Я. Резуну, делившемуся своими материалами и наблюдениями.

** *Citation:* Oparina, T. (2017). The Deportation of Greek Settlers to Siberia in the 17th Century: Routes and Destinies. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 171–196. DOI 10.15826/qr.2017.1.218.

Цитирование: Oparina T. The Deportation of Greek Settlers to Siberia in the 17th Century: Routes and Destinies // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 171–196. DOI 10.15826/qr.2017.1.218 / Опарина Т. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 171–196. DOI 10.15826/qr.2017.1.218.

been related. Yuri Trapezundsky had served as an Algerian corsair and as a Dutch and English soldier. In Moscow, he rose through the ranks to become a captain in the *Inozemsky Prikaz* (Office for the Affairs of Foreigners). Manuil Konstantinov had been taken from his homeland by Don Cossacks during a raid and then sold to a German goldsmith in Russia. The fact that he was an Orthodox Christian helped him regain his freedom. During the Smolensk War (1632–1634), these two Greeks found themselves behind enemy lines and provided the Polish commanders with important information about the state of the Russian troops. Managing to leave Poland, they decided to return to Russia to serve in the *Inozemsky Prikaz*. During a major conflict in the Greek community a decade later, Yuri Trapezundsky and Manuil Konstantinov were denounced. They were charged with treason and exiled to Siberia. In Tomsk, they met Stepan Aleksandrov and together participated in numerous activities, such as uprisings, the exploration of new lands, and the construction of jails. They also helped subject indigenous Siberian peoples to Russian rule.

Keywords: immigration; the conquest of Siberia; Greek colony; ethno-cultural environment.

Статья посвящена пребыванию греков в Сибири в первой половине XVII в. Колонизация Сибири добровольными переселенцами и ссыльными породила сложную этнокультурную среду. Сплетение культур и традиций стало особенностью этого региона. Самым неожиданным для современного читателя является появление в зоне с суровым климатом греческих иммигрантов. В частности, в Томске в XVII в. сформировалась греческая колония, которая состояла из поселенцев, сосланных из Москвы за различные преступления. Ссыльные имели необычные судьбы, что ярко представлено в колоритных биографиях четырех героев статьи. Двое ссыльных (Степан Александров и Николай Петров сын Скулариков) являлись лжемонахами, приезжавшими ранее в Москву для сбора пожертвований, а также участвовали в алхимических практиках, пытаясь получить золото при помощи магического кристалла. Другие происходили из Трапезунда и были, возможно, родственниками. Юрий Трапезундский побывал алжирским корсаром, голландским и английским солдатом, а в Москве дослужился до чина ротмистра в Иноземском приказе. Мануил Константинов был увезен с родины донскими казаками во время грабительских рейдов, затем был перепродан в России немецкому ювелиру. Ссылки на православное исповедание помогли холопу добиться свободы. Во время Смоленской войны (1632–1634) земляки оказались в лагере противника и передали польскому командованию важную информацию о состоянии русских войск. Впоследствии они сумели покинуть Польшу и решили вернуться в Россию для службы в Иноземском приказе. Спустя десятилетие во время крупного конфликта в греческом

землячестве на Юрия Трапезундского и Мануила Константинова был составлен донос. Следствие признало их виновными в измене и отправило в сибирскую ссылку. В Томске греки встретили Степана Александра и развернули разнообразную деятельность: участвовали в восстаниях, осваивали новые территории, строили остроги и приводили в русское подданство сибирские народы.

Ключевые слова: иммиграция; освоение Сибири; греческая колония; этнокультурная среда.

Заселение Сибири добровольными мигрантами и ссыльными порождало сложную этнокультурную среду. Освоение новых территорий осуществлялось людьми, не боявшимися расстояний и трудностей, способными на решительные, а иногда и отчаянные поступки. Немалую роль в этом процессе сыграли иммигранты, имевшие боевой опыт сражений и умевшие рисковать.

К середине XVII в. в Сибири находились греческие иммигранты, сосланные туда за различные преступления. Они служили в гарнизоне Мангазеи [Опарина, 2016б], но более всего сконцентрировались в Томске, где сформировалась греческая колония. Факты присутствия греков в Томске фиксировались [Покровский; Соколовский], однако время и причины их появления в городе оставались невыясненными. Между тем, источники позволяют восстановить их биографии в подробностях. Истории жизни этих ссыльных рисуют совершенно определенный тип поведения. Авантюрный склад характера «гречан» помог им не только выжить в новых условиях, но и занять значительное место в администрации сибирского города.

Первоначально в Томске оказались Степан Александров и Николай Петров сын Скулариков, замешанные в деле об алхимических практиках Дмитрия Палеолога, который константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом был признан потомком византийской императорской династии [Опарина, 2016а]. Иностранцы приехали в Россию в свите этого лжекнязя, вероятно, предложившего царю Михаилу Федоровичу пополнять казну за счет опытов с философским камнем. Когда всплыли неблагоприятные поступки иммигрантов, началось расследование. Их опознали в Москве некие греки, заявившие, что под видом архимандрита и монаха они уже приезжали в Россию для получения «милостыни»: «...государево жалованье выгнали воровством» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 37. Л. 514, 522]. К сожалению, в сохранившихся документах не указаны даты поездок. В соответствии с нормами судопроизводства извет греков был подан в Посольский приказ. После проведенного расследования было вынесено незамедлительное решение: «посланы в Сибирь в Томской город, а велено их написать в служивые люди» [Там же. Л. 514]. На Дмитрия Палеолога, помимо обвинений в обмане его приближенных, был получен донос о неоплаченном долге.

Два других человека его свиты, Юрий Стомат и Иван Дмитриев, теперь заявляли, что никогда не нанимались к нему на службу, а были купцами, имевшими собственное дело. Встретившись в «Мутьянской» земле (Румынии), торговцы дали Дмитрию Палеологу займы внушительную сумму в 1070 золотых под залог алмаза. Последний обещал незадачливым купцам, что продаст камень в царскую казну и сможет вернуть долг:

А сказывал он у себя камень, что везет тот камень к государю к Москве, и как де государь пожалует, велит ему за тот камень деньги дати, и он де имь за те золотые заплатит деньгами [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 37. Л. 517].

При допросе Дмитрия на вопрос:

Что ему он тово посулил и тот камень, что он у себя сказывал, где ныне у него на Москве и какой камень?

находчивый иностранец ответил туманно:

А камень де у него был велик олмаз, да как де убили турсково царя Асмана салтана и казну всю розграбили, и про тот де камень учели в Царегороде про него сказывать, и называть иво царевою казною. И он тот камень оставил во Царегороде у друзей, а с собою иво к Москве не взял [Там же. Л. 525–527].

Выслушав все доносы и допросив обвиняемого, но не получив драгоценность, власти постановили отправить оставшуюся часть свиты Дмитрия Палеолога во главе с ним в ссылку в Казань [Там же. Л. 528]. Иммигрант находился в казанской ссылке в окружении других греков, один из которых через 30 лет объявил себя прямым потомком Александра Македонского [Опарина, 2016а].

Греки, высланные в Сибирь, вскоре снова попали в поле зрения следствия. К ним был выслан из Москвы толмач Посольского приказа Дмитрий Микулин Перванов. В Томске был обнаружен вызвавший столь повышенный интерес властей драгоценный камень. Его нашел томский воевода И. Татев у ссыльных лжемонахов Степана Александрова и Николая Петрова (Скуларикова) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 89. Л. 682]. Судя по описанию, камень имел внушительные формы, хотя степень достоверности его ценности неопределима: белый цвет имеют и другие кристаллы – кварц и топаз, которые гораздо чаще, чем алмазы, достигают значительных размеров. Привезенный в Россию из дальних странствий кристалл греки считали возможным использовать при изготовлении «философского камня». Наиболее вероятно, что алхимическими практиками они занимались в Москве, пока шло

разбирательство (между 1630–1631 гг.), до ссылки в Томск. Рецепт-тура, судя по последующим обвинениям, была знакома Дмитрию Палеологу или придумана им. Степан Александров и Николай Петров (Скулариков) во время московских опытов попросили его опустить кристалл в смесь для проверки его качества. Князь выполнил желание земляков и бросил алмаз в раствор, но произошло непредвиденное – камень потерял свой вид:

А испортил де тот камень нарочно философскою наукою по их велению греческой княз Дмитрией Палеолог [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 89. Л. 682].

Алмаз достался Степану Александрову и Николаю Петрову, которые и увезли его в Томск. Воевода И. Ф. Татев изъял «испорченный» камень и отправил в Москву в Приказ Казанского дворца:

...прислал за Томскою печатью камень, а взять де тот камень у гречан у Степанка Олександрова да у Миколайка Петрова [Там же].

Воевода доносил и о «гречанах», помнивших об обещании князя вернуть камню утраченные свойства. Руководство приказа Казанского дворца отнеслось к происшествию с повышенным вниманием. Осмотрев полученный от И. Ф. Татева в 1633 г. камень, судья приказа Казанского дворца направил 17 февраля 1636 г. грамоту в Казань (не сохранилась). Не получив ответа, он повторил запрос (18 июля), в котором интересовался стоимостью камня и возможностью его восстановления:

И каков тот у них камень видел сколь велик, и что в нем весу, и что тому камению цена, и где ево у них хто тот камень в котором государстве торговал... и будет он тот камень испортил, и опять ево он тою ж своею философскою наукою по-прежнему своему зделать может в старом лице поставить, как тот камень преж сего был [Там же. Л. 683].

К сожалению, ни «допросные речи» Дмитрия Палеолога из Казани, которых так ждали в Москве, ни подготовленный воеводами официальный ответ не дошли до нас.

Участники опытов и владельцы камня Степан Александров и Николай Петров Скулариков остались в Томске. Достигнув звания сына боярского, Степан Александров, называвшийся Степаном Греченином (Гречаниновым), активно участвовал в дипломатических миссиях в Западную Монголию. Ему доверяли возглавлять русское посольство к Алтын-ханам в 1637 и 1659 г. [Шастина; Милюков; Чимитдоржиева].

Спустя десятилетие в 1643 г. томская греческая община пополнилась двумя новыми ссыльными из Трапезунда – Юрием Ивановым, сыном Трапезундским (Трапизовским, Трапезанским, Драбызон-

ским), и Мануилом Константиновым, с которыми быстро установил контакты Степан Александров Гречанинов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 307. Л. 530].

Ранняя биография Юрия Трапезундского восстанавливается по его рассказам. Первый допрос в Посольском приказе относился к 1627 г. [РГАДА. Ф. 141. 1627. № 50; Ф. 150. 1627. № 7; Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3], второй – к 1633 г. [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6]. Первоначально он именовался как «Юрий Иванов, родом греченин Трапизона города» [Там же. Ф. 141. 1627. № 50. Л. 1; Ф. 150. 1627. № 7. Л. 1], но уже в следующем документе стал обозначаться Юрием Ивановым сыном Трапизовским [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 16]. Эти два повествования не во всем совпадают. В 1627 г., впервые переступив границы России, он предстал невольником-гребцом с турецкого корабля, бежавшим во Фландрию, а затем через Гамбург в Архангельск. В 1633 г., возвращаясь к этому же периоду своей жизни, он называл уже корабль арабских разбойников, умолчав о рабском состоянии. Если видеть причину разночтений не в забывчивости, а в стремлении скрыть определенные детали жизни, то можно попытаться, «сложив» обе истории, реконструировать биографию героя до его переезда в Россию.

Она предстает крайне авантюрной и начинается с упоминаний о Трапезунде. Свое социальное положение перед московскими чиновниками Ю. Трапезундский определил как «служилый человек», а род деятельности его отца чиновники записали как «гайдуцкая служба» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 17]. Дворянином иммигрант не был и, судя по дальнейшей карьере, изначально входил в военную охрану купеческих кораблей. С «торговыми людьми» на судне, перевозившем зерно из Трапезунда, в 20-е гг. XVII в. он направился в Стамбул. Вероятно, греческий корабль, на котором находился Юрий, благополучно пополнив запасы в столице, достиг Средиземного моря. Но здесь судно было захвачено мусульманами, алжирскими пиратами:

...на море погромили турецкие люди и многих гречан побили, а ево взяли жива и свезли в турецкой город Алзер [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 4].

Алжирское государство, центр пиратства того времени, находилось в вассальной зависимости от Османской империи [Иванов; Бродель; Видясова, с. 184–194]. В результате поражения в морской битве греческие купцы и вся команда попали в рабство. В Алжире вместе с другими греками Ю. Трапезундский был продан гребцом на галеру. Согласно второму рассказу, он оказался на пиратском корабле, грабившем европейцев: ходил «для добычи с арапы на море под немецких людей» [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 4]. Видимо, он сумел изменить свой социальный статус, став пиратом на арабском судне. Как долго находился он в Алжире, мы не знаем. Сам он говорил об очень коротком периоде:

...был де он в неволе у турецких людей с полтретья годы, в неволи будучи, был он у турецких людей на катарге с ыными полоняники [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 17].

Далее он переместился в Западную Европу. В первой «скаске» повествуется о восстании невольников близ границ «Шпанской земли». Можно предположить, что речь идет об Испанском королевстве во главе с династией Габсбургов, где пленники галер чаще всего обретали свободу. Испанские флотилии активно боролись с мусульманами, и, зная об этом, рабы поднимали мятеж при приближении к границам Испанского королевства. Ситуация совпадает с рассказом Ю. Трапезундского. Ночью, когда команда уснула, на корабле произошел бунт:

...и ть де турецкие люди поуснули и они де неволники тех турецких людей всех побили [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 2].

Испанские власти оказывали значительную поддержку пленным христианам. Но медицинская, материальная, юридическая помощь предназначалась в первую очередь пленникам католического вероисповедания. Судя по его последующей биографии, Ю. Трапезундский в католической среде представлялся итальянцем-католиком. Доказав свою лояльность испанским миссионерам, ему удалось перебраться из Испании в подчиненную Габсбургам Фландрию: «а сами на том же корабле в Брабанскую землю в Пленно город» [Там же]. Речь идет о Пленво. Другой версией может быть предположение о движении корсарского судна вдоль европейского побережья: алжирские пираты в XVII в. научились переплывать через Гибралтар [Бродель].

Таким образом, в первом случае Ю. Трапезундский говорил о прибытии судна в область Брабанта, во второй же раз он повествовал о столкновении своего корабля с английским. Где тут правда, где ложь, сказать трудно. Не исключено, что в 1633 г. он лишь опустил один из витков своей биографии, и англичане разбили не мусульманский, а голландский корабль, на который переметнулся после Брабанта бывший пленник. В Пленво ему предстояло определить дальнейший путь: «И тут де они с коробля разошлись, хто где захотел» [РГАДА. Ф. 150. 1627. № 7. Л. 2]. Он не вернулся в Османскую империю, но, вероятно, не поехал и в Гамбург, а затем в Москву, как утверждал в 1627 г. Видимо, из Испанских Нидерландов Юрий перешел в Республику Соединенных Провинций, где поступил на голландское судно. Новое морское сражение принесло следующий плен. Столкновение с английским кораблем закончилось поражением, и захваченный корабль был доставлен в Британию [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 4]. Юрию предстояло оправдаться ссылками на приверженность христианству, и, видимо, в данном случае православию (католическое вероисповедание не могло быть спасительным фактором в Великобритании

в тот момент). По его словам, «король велел отпустить на волю, потому что он греченин» [Там же].

Ю. Трапезундский оказался в Великобритании, где находилось немало греков. В Англии он сумел познакомиться с двумя двоюродными братьями, получившими позже в России фамилию Альбертусов-Далмацких, – Иваном и Дмитрием (считавшимися потомками Палеологов) [Кошелева, Симонов, с. 63–73; Опарина 2004, с. 288–325]. Вероятно, под их влиянием он выбрал Россию в качестве постоянного пристанища и оказался первым из «английских греков», отправившихся в Московское царство.

В порт Архангельска Ю. Трапезундский прибыл 8 августа 1627 г., по его словам, из «Немецкой земли» [РГАДА. Ф. 141. 1627. № 50. Л. 1]. Целью путешествия странник назвал стремление «служить государю верою и правдою, слыша к иноземцем царское жалованье и неизреченную милость» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 14]. Причина, по которой он скрывал свое пребывание в Англии при допросе в 1627 г., но говорил об этом в 1633 г., неизвестна. Возможно, так фиксировали его показания чиновники Посольского приказа.

Согласие властей на вступление в царскую службу было получено, и 5 ноября 1627 г. пристав доставил выходцев в Посольский приказ, где и произошло оформление ими русского подданства. «Жалованье за выход» Ю. Трапезундскому составило 12 рублей и сукно. Ему был назначен также «поденный корм» – по алтыну на день. 30 декабря выходцы попросили о верстании. Юрию определили поместно-денежный оклад в 250 чети и 12 рублей [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1628. № 3. Л. 18]. В окладных книгах Иноземского приказа имя иммигранта отнесено к категории «греченя и турецкие полоняники». При зачислении в военное ведомство оклад был сохранен, он оставался неизменным до окончания службы в Москве. Однако при столь скромном окладе вызывает удивление огромный поденный корм. Его размер составлял 10 алтын на день. Ю. Трапезундский оказался самым высокооплачиваемым участником «греческой роты». Безусловно, он имел дар убеждения, но что именно он рассказал служащим Иноземского приказа, как смог обосновать необходимость подобного жалованья, выяснить сложно. Это могло быть повествование о периоде пиратства или о высоких назначениях в английской армии. В Москве Юрий обустроился, женился, следовательно, был признан православным.

В 1628 г. из Англии в Россию прибыл Иван, а в 1630 г. – Дмитрий и Павел Альбертусы. Российское государство охотно принимало на службу гонимых единоверцев из Османской империи и вассальных ей государств. Присутствие с XVI в. в России значительного числа «греков» породило формирование землячества. Наиболее родовитые иммигранты, относившие себя к правящим родам Византии, вливались в русское привилегированное сословие и допускались к государеву двору. Иван и Павел Альбертусы-Далмацкие удостоились звания князя, Дмитрий Альбертус – московского дворянина. Они

вошли в число светских лидеров греческой общины, до того главным духовным авторитетом и заступником перед властями являлся келарь Новоспасского монастыря Иоанникий [Фонкич, с. 85–110].

Менее знатные выходцы из Османской империи попадали в социальную группу «служилых кормовых иноземцев». В их числе был и «гайдуцкий сын» Юрий Трапезундский. Неравенство статусов не исключило тесных контактов. Рядовой военный сблизился с родовитыми греками, с которыми его объединяла, очевидно, служба на Британских островах. Помимо князей Альбертусов-Далмацких, Ю. Трапезундский обнаружил в Москве человека, связанного с ним общим прошлым: в его круг общения вошел Мануил Константинов [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 5–7; Там же. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 41–45; Оп. 13. № 33. Л. 93–96 об.]. Оба иммигранта происходили из одного города, когда-то были невольниками, соприкасались с западным христианством, не исключено, что имели общие родовые корни. М. Константинов, по его словам, стал жертвой донских казаков, грабивших окрестности Трапезунда в 1626–1627 гг. :

...в прошлом во 135-м году во Оспожине дни приходили донские казаки в Турки и меня взяли в Турках [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42, 43–44].

Известно, что крупный казацкий морской поход приходился на 1625 г. [Ostapchuk, p. 23–95; Остапчук, Галенко, с. 371–372]. Вероятно, именно в этот период Мануил был взят в плен. Судя по его рассказу, принадлежал он к семье, обладавшей значительным весом в мусульманском обществе. Иммигрант говорил и об отцовском прибрежном имении, на которое совершили рейд казаки [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 5]. Безусловно, допущенный к властным структурам чиновник и члены его семьи исповедовали ислам. Это признал и сам М. Константинов: «был он в турках в босурманстве» [Там же]. Однако семья мусульманина хранила память о греческих корнях: «взяли меня в Турках, не ведоя, что я греченин» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42].

Но казаки, уводя в плен мусульман во время набега, не вдавались в тонкости родословия. Турецкий мальчик был схвачен и пригнан на корабль, доставлен на территорию Войска Донского, а далее переправлен в Воронеж, ставший центром работорговли. В результате ряда перепродаж он попал к столичному ювелиру мастеровых палат англичанину-протестанту Якову Гасту [Селезнева, с. 66; Цветаев, с. 179, 184]. Согласно русскому законодательству (указ 1623 г.), холопы иноземных купцов не могли быть православными [Опарина, Орленко; Опарина 2005, с. 22–39]. Вероятно, желая быть уверенным в неизменном обладании холопом, Яков Гаст обратил М. Константинова в одну из ветвей протестантизма. Законы русской православной церкви не нарушались, когда пастор «окрестил» Мануила Константинова «по своей вере немецкой» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 6]. Таким образом, в доме англичанина бывший пленник перешел из ислама

в протестантизм. Позже он скажет, что владелец крестил его больного (то есть насильно): «а он в тѣ поры был мал и лежал в болести» [Там же. Л. 6]. Освоившись в новой среде, Мануил узнал о недавно оглашенном законе 1627 г., имевшем к нему прямое отношение [Опарина, 2005, с. 72–83]. Содержание законодательного акта оказалось доступно иноземцу:

...и как по государеву указу руским людям у некрещеных иноземов жить не велено, и он Мануйло от Якова Гаста сшел [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42].

После обнаружения указа власти поощряли переход православных холопов от иностранцев к русским и в судебных спорах принимали сторону православных владельцев [Лаптева]. Холоп осознал преимущества православного вероисповедания перед мусульманским и протестантским и заявил об изначальной приверженности православию. Он «сказался, что греченин, а не турченин, а зовут ево Мануйло» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42; Оп. 13. № 33. Л. 94]. В поступке просматривается поддержка представителя русской знати. Холоп решился на побег, очевидно, предварительно сговорившись с И. Ф. Татевым:

И обмогшись, не похотя у Якова в неметцкой вѣре жить от него збежал и придался жить ко князю Ивану княж Федорову сыну Татеву [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 6].

Оказавшись в доме князя, с его помощью Мануил Константинов составил патриарху Филарету челобитную, декларируя стремление вернуться в веру предков, представив себя жертвой прозелитизма хозяина, обратившего его в протестанство время болезни. Патриарх Филарет совершил таинство, и Мануил Константинов обрел волю: «тот турченин от тово немчина Якова Хаста свободен» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. № 33. Л. 93–96 об.]. Причем он оговорил особенности ритуала: «и я был [под началом] семь недель» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 911. Л. 42], то есть речь шла о крещении.

Выходцу из Трапезунда удалось в этот момент установить контакт не только с русским аристократом, но и с признанным духовным главой греческого землячества келарем Новоспаского монастыря Иоанникием [Фонкич, 2006, с. 85–110]. Многообразие конфессий Мануила Константинова не стало для греческого пастыря препятствием к покровительству. Иоанникий воспринимал холопа как соотечественника и тайного единоверца. Переход греческого рода в ислам в Османской империи был общепринятым. Принятие протестантизма под давлением обстоятельств виделось еще меньшим грехом. Келарь обратился к патриарху Филарету с прошением о предоставлении личной свободы М. Константинову:

...и в тѣ де поры бил челом государю светѣшему патриарху греченин келарь Аникеи и иные гречане об немь, чтоб ему дати воля [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 6].

Очевидно, он ссылался на действие правовых норм: согласно указу 1627 г., обращение в православие иностранных холопов означало прекращение зависимости. Иоанникий обладал огромным авторитетом при дворе патриарха, и прошение было немедленно удовлетворено. Вероятно, первоначально появилось специальное распоряжение главы церкви: Мануил говорил об именном приказе Филарета Никитича. Патриарший указ подтвердило царское определение: «ты, государь, меня пожаловал, велел меня ото всех людей свободить» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №. 911. Л. 42]. Расторгнув зависимость от Якова Гаста, Мануил не стал собственностью князя, положение холопа он сменил на статус «кормового иноземца».

«Грека» Мануила Константинова определили в рядовые Иноземского приказа. Первоначально наемнику было назначено жалованье в шесть денег на день [РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. №. 902. Л. 30]. Вскоре он попросил о верстанье. Были привлечены «знатцы», которые подтвердили показания иммигранта и его происхождение. 20 октября 1628 г. администрация Иноземского приказа вынесла решение о наделении М. Константинова поместным окладом в 250 чети, денежным – в 13 рублей. Поденный корм составил восемь денег на день [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. №. 46. Л. 732].

В военном ведомстве М. Константинов смог найти поддержку у Ю. Трапезундского, зачисленного в Иноземский приказ чуть ранее. Бывшие холоп и «каторжник» – уроженцы Трапезунда, возможно, члены одного рода, начали службу в одном подразделении. М. Константинов стал постоянным спутником Ю. Трапезундского, который ввел юного «грека» в клиентуру князей Альбертусов-Далмацких.

В преддверии Смоленской войны в России активно шла военная реформа. «Полки нового строя», находившиеся в ведении Иноземского приказа, переформировывались и стремительно увеличивались. В 1630 г. было выделено специальное подразделение для бывших подданных Османской империи – «греческая рота» [Скобелкин]. Ее возглавил Николай Мустофин, избранный всеми своими сослуживцами. Ю. Трапезундский и М. Константинов были зачислены в роту рядовыми военными. Начало войны связывалось с завершением действия Деулинского перемирия. Но еще за несколько месяцев до этой даты Земский собор 20 июня 1632 г. объявил о вступлении в боевое противоборство. Однако выступление затягивалось, русские полки торжественно двинулись из Москвы только 9 августа 1632 г.

«Греческая» рота в составе иноземческого корпуса была включена в Большой полк, возглавлявшийся Михаилом Шеином и Артемием Измайловым. Армия двигалась через Можайск к русско-польской

границе. Смоленская война началась взятием Дорогобужа. В штурме участвовала «греческая рота», в том числе Ю. Трапезундский и М. Константинов. «Греческое» подразделение расположилось под стенами города и совершало рейды в стан противников. Одна из таких вылазок повлекла новую одиссею Юрия и Мануила: из боя не вернулись 13 человек, но их не оказалось и среди погибших. Ротмистр Николай Мустофин подал записку о «безвестно» исчезнувших подчиненных [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 45. 1632. Л. 13–13 об.].

Информация о греках вскоре появилась, причем самым неожиданным образом. Под Смоленском был пойман лазутчик, пытавшийся проникнуть в осажденный город. Он вез послание из Орши, жители которой поддерживали оборонявшихся польских и литовских шляхтичей, убеждая стойко держаться и не сдаваться русским войскам. Они передавали обнадеживавшую информацию о плачевном состоянии русской армии. В послании упоминались имена информаторов-перебежчиков Юрия Трапезундского и Мануила Константинова [РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Стлб. 120. Л. 391]. Обнаруженное письмо вместе со списком «изменников» было направлено в Москву и сразу повлекло разбирательства. Для родственников пропавших «греков» они имели самые печальные последствия:

А велено тех изменников иноземцов сыскати жон их и детей и о тех изменничьих женах и детех и об их поместьях велено доложить государя [Там же. Л. 391 об.].

Жена и дети Ю. Трапезундского были отправлены из Москвы под надзор в Устюг. Сам он писал позже:

...как де он за рубежем заблудился и в полон его литовские люди с сынами гречаны взяли и после де его на Москве жену его и детей по государеву указу сослали с Москвы на Устюг [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 28 об.].

Характерно, что в более поздней версии ситуация описывалась Ю. Трапезундским иначе. Он объяснял, что «греческий» отряд отправился за фуражом, но заблудился во время вьюги и был пойман польскими властями:

...ис-под Дорогобужа... поѣхали в загон для кормов своих и конских в порубежные места без боярского ведома и как де они приехали в порубежье и розѣхались по деревням и их обняла меж деревень на лесу ночь и учала быть вьюга. И они де Юшко да Манулко да с ними иных гречан человек з десять блудили по лесу два дни да ночь и приблудили в другую ночь в неведы в деревню [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 8; См. также: Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 162–162 об.].

М. Константинов в плену заявил о своей приверженности православию и изначальном подданстве Османской империи [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 14]. В этот период Речь Посполитая ожидала атаки турецкой армии, и находящиеся на грани войны державы опасались взаимного шпионажа. Православного подданного султана не выпустили из Речи Посполитой:

А Манулка и иных гречан, которые сказались Турские земли греческие веры, и он де их для того ис Кракова и не велел отпущать в свою землю, а велел быть в Кракове [Там же. Л. 13].

Ю. Трапезундский представился итальянцем на русской службе, бежавшим от московского правления. Он предпочел выдать себя за влиятельную фигуру русской армии. Во всяком случае, согласно его изложению, его допросы вели члены польского правительства. Юрий согласно перечислял, что первоначально был привезен в Мстиславль к князю Степану Массальскому, где начал сотрудничать и давать сведения, затем – в Вильно к гетману Льву Сапеге, и наконец к наследнику престола Владиславу. Что он доносил им в своих беседах, определить трудно, но его допускали до важных церемоний. Греческие иммигранты стали свидетелями как смерти и погребения Сигизмунда III (30 апреля 1632 г.), так и коронации Владислава IV (8 августа 1632 г.). По словам Юрия, он отправился совместно с принцем Владиславом с траурной процессией из Варшавы в Краков. Юрий якобы сопровождал наследника престола в карете, беседуя на итальянском языке и обсуждая проблемы нарушения московским правительством мирного договора и начала войны.

В Речи Посполитой Ю. Трапезундский продолжал вести какие-то политические игры. В Посольском приказе он заявил, что выведывал информацию и у крымского посла, владея татарским языком. Видимо, перед представителем хана он сказался единоверцем, подданным Порты:

И хотя от него ведати вестей, сказался нароком, что будто от московских людей отъехал в Литву для того, чтоб ему из Литвы выехать в свою землю [Там же. Л. 16].

В резиденции крымского посла он обсуждал проблемы крымских набегов периода Смоленской войны и роли польской дипломатии в их подготовке, а также перспективы заключения русско-крымского и русско-польского договоров [Там же. Л. 12, 16–18].

Согласно объяснению Ю. Трапезундского, он благосклонно был отпущен в Италию королем Владиславом IV. Таким образом, принятие роли католика дало ему возможность получения воли:

...сказался, что он Итальянские земли и веры. И король де его для того и отпустил в Итальянскую землю [Там же. Л. 14].

Он обрел свободу передвижений, в то время как М. Константинов принужден был оставаться в Кракове, а затем бежал к Юрию.

В силу каких-то причин «греки» устремились в Россию. Что послужило мотивом побега – верность присяге, тоска по родине (связанная уже с Россией) или, напротив, шпионаж, сказать невозможно. Ю. Трапезундским могло двигать опасение за судьбу родных: в России у него остались жена и дети. М. Константинов, не имевший в России семьи, тем не менее, вместе с Юрием пожелал вернуться.

В Польше Ю. Трапезундский познакомился с греком Андреем (его отчество и фамилия не названы), исполнявшим должность переводчика при гетмане Конецпольском, и его уговорили также ехать в Россию. С его помощью Мануил Константинов, нарушив запрет короля, покинул Краков: «Манулка греченина привел с собою» [Там же. Л. 15]; «А Мануйлик ис Кракова к Юшке убог» [Там же. Л. 26]. Через Гданьск (Данциг) и Любек они направились в Амстердам. Переводчик Андрей остался здесь, желая выучить голландский язык и лишь затем ехать в Россию. Мануил и Юрий отправились на голландских кораблях в Архангельск.

Удивительно, но и в этой ситуации Ю. Трапезундский говорил о своих контактах с верховной властью, теперь уже голландской. Он или располагал рекомендательной грамотой принца Фридриха Генриха Оранского, или же устно сообщил об исполнении им поручения правительства Республики Соединенных Провинций. В делопроизводственной документации было зафиксировано, что его прислал к царю Михаилу Федоровичу «голанской князь голанских немец» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 896. Л. 317]. Указания на столь важные контакты позволили Трапезундскому снова беспрепятственно войти в русское общество.

В Посольском приказе в 1633 г. Ю. Трапезундский и М. Константинов поведали свою историю думным дьякам Ивану Грязеву и Максиму Матюшкину. Беглец не утаивал от чиновников своих конфессиональных и политических превращений. Трудно представить, что действительно происходило с ним в Речи Посполитой, так много компрометирующего присутствует в его рассказе. Вряд ли была одобрена в Москве его игра в католика. Но следствие об измене, начатое еще Михаилом Шеиным, было забыто (полководца уже не было в живых), и беглецов приняли в России.

При столь невыгодных обстоятельствах Юрий вновь оказался в выигрыше, очевидно, сославшись на голландского правителя. Главное, что они вернулись, «помня крестное целование», и изъявили желание продолжить службу московскому государю. Объяснялось, что Юрий и его спутники не совершали военного преступления: они не перебежали к противнику во время боя, а оказались в стане врага по

оплошности при сборе провианта – «в загоне». Власти хорошо знали о голоде, случившемся в русской армии из-за не выплачивавшегося долгое время жалованья. Многочисленные приключения в Речи Посполитой не были осуждены, а, напротив, были признаны заслугами. Ничего не известно даже о церковных взысканиях, «очищении» веры после пребывания в Западной Европе и, очевидно, посещении «итальянцем» костела. В деле нет свидетельств об «исправлении веры», существует лишь резолюция об отправке вновь в Иноземский приказ:

И по государеву указу велено им государева служба служить и государева жалованья кормовые деньги давати по прежнему в Иноземском приказе с иноземцы вместе [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 162–162 об.].

Бывшие пират и невольник были восстановлены в низшем чине «греческой роты» и получили прежний размер поденного корма [Там же]. Ю. Трапезундский составил прошение о воссоединении с семьей. Его жена, сосланная ранее с детьми в Устюг, была возвращена к супругу:

А жену ево Юшкину и з детьми с Устюга указали государь и государь светеишии патриарх взяти к Москве и отдати ему [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1633. № 6. Л. 28].

По возвращении в Россию военная карьера Ю. Трапезундского складывалась успешно, хотя изначально ротмистр Николай Мустафин, недавно подававший челобитную о его измене, вряд ли доверял бывшему беглецу. Но как только в августе 1635 г. должность ротмистра на короткое время занял Федор Сулейманов Черкизов, Юрий получил звание поручика [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 62].

Как и другие иностранные формирования, «греческая рота» была направлена на оборону южных границ в регион Тульско-Белгородской засечной черты. Ю. Трапезундский проявлял себя отважным воином, отчаянно сражавшимся с крымскими набегами. В сражении под Ливнами, когда ротой вновь руководил Федор Сулейман, он был награжден [РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 292. Л. 190–190 об., 206–206 об.].

Не позднее 1637 г. Ю. Трапезундский возглавил «греческую роту», сменив на этом посту Федора Сулеймана. В 1638 г. он назван среди других руководителей иностранных подразделений в период подготовки Москвы к обороне от возможного татарского набега [Разрядная книга, с. 132]. Обязанности ротмистра Трапезундский исполнял до 1642 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. №. 50. Л. 15]. Боевые заслуги и новые должности определили повышение оклада и корма. Если первоначально при выезде ему был назначен оклад «в 250 чети и 12 рублей, корму по 10 алтын на день, а на месяц по 9 рублей», то в 1641 г. его поместный и денежный оклады составляли уже 400 чети и 30 рублей, ежемесячное кормовое жалованье – 10 рублей [Там же. Оп. 9. № 848. Л. 6].

В подчинении ротмистра Ю. Трапезундского находился рядовой Мануил Константинов. Разница в их положении оказалась слишком значительной. Поместный и денежный оклады Мануила Константинова составляли 200 чети и 10 рублей, поденный корм – 8 денег. Но в 1641 г. его поденный корм исчислялся в 3 алтына в день при сохранении прежнего оклада [Там же. Л. 18]. Вероятно, ротмистр способствовал росту выплат своего «племянника».

Занятие военных должностей не потребовало от Юрия Трапезундского хорошего усвоения письменного языка, оригиналов его писем нет. В 1635 г. два раза он подписался по-гречески, проявив себя не слишком грамотным и в этом языке. В 1628 г. свой автограф за Юрия оставил переводчик греческого языка Борис Богомольцев [Там же. № 911. Л. 36 об.]. В 1642 г. ротмистр предоставил возможность по-русски заверить показания другому сподвижнику клана Альберусов-Далмацких, выехавшему в 1633 г., – Петру Иванову Волошенинову. До конца своей жизни Ю. Трапезундский продолжал передавать право подписи иным лицам. Так, в 1658 г. (уже в Томске) «руку приложил» за него И. Тихонов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 84. Л. 7, 9 об.]. Наиболее вероятно, профессиональный военный владел только устным языком, что не мешало продвижению по служебной лестнице, и его карьера складывалась удачно.

Должность ротмистра «греческого» подразделения Иноземского приказа определила высокий ранг иммигранта среди земляков. Ю. Трапезундский в 30-40-е гг. XVII в. становится одним из влиятельных лиц греческой общины, чему, видимо, способствовало доверие, оказывавшееся ему русскими чиновниками. Он постоянно выступал в качестве «знатца». В окладных книгах Иноземского приказа он был поручителем почти за всех «иноземцев нового выезда».

В 1641 г. за пределами Москвы в Заяузье недалеко от Андроникова монастыря была сформирована Греческая слобода [Шахова, с. 199, 201]. Ее центром стал храм Святителя Николая на Ямах. Глава подразделения выходцев из Османской империи и вассальных ей государств перебрался на ее территорию вместе с другими соотечественниками. Колония представляла собой круг теснейшим образом связанных между собой иммигрантов:

А живут... они все в единой слободе, пьют и едят вместе, кумовство и сватовство у них заодно [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 6].

Ю. Трапезундский был одним из активных деятелей греческого общества. С большинством его жителей его объединяли самые различные отношения. Так, он выступал «дядей» Мануила Константинова, стал «названным отцом» Остафия Власиева и крестным отцом детей Николая Зотова сына Макидонского:

Остафеи Власьев, а греческому ротмистру сын названной. А Микула Зотов, и у него ротмистр детей крестил [Там же. Л. 6].

В греческой слободе ротмистр установил свой жесткий контроль. Безусловно, он отстаивал свое положение от любых посягательств.

Известно об инциденте 1638 г., когда ротмистр объявил о покушении на свою жизнь Григория Савельева Гречанинина [РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. № 107. Л. 289–293]. По словам офицера, ему были нанесены телесные и словесные оскорбления:

И учал я... ему Григорью говорить: «За что ты, Григореи, товарищев своих бьешь и матерны бранишь и всякою неподобною лаею лаешь?». И он, Григореи, учал меня... лаять и... по щокам меня... учал бить и за бороду драть и с саблею наголо ко двору моему приходить, и товарищи мои роты на улицы от него оборонили [Там же. Л. 289].

Глава подразделения, не найдя управы на подчиненного, требовал суда о «бесчестье» и следствия. Для проведения разбирательств под Тулу, где развернулись драматические события, направили Афиногена Гравина. Судя по дальнейшим извещениям ротмистра, можно предположить, что действия Григория Гречанинина являлись лишь ответом на рукоприкладство самого Ю. Трапезундского.

Ротмистр успешно устранял обидчиков, пока не столкнулся с сопротивлением более влиятельных конкурентов. Принадлежа к клану Альбертусов-Далмацких, Ю. Трапезундский оказался втянут в противоборство с другой влиятельной фамилией из Османской империи – Алибеевых-Макидонских [Опарина, 2004, с. 306–307]. Между двумя родами постоянно вспыхивали судебные тяжбы, отражавшие соперничество за лидерство внутри греческой общины. По словам Федора Алибеева, Дмитрий Альбертус переманивал зависевших от него людей. Последний долго не являлся на заседания суда, ссылаясь на плохое самочувствие и посылая вместо себя в качестве представителя Мануила Константинова. В конечном счете, когда оттягивать заседание стало невозможным, Дмитрий Альбертус в сопровождении Мануила отправился на суд в Холопьем приказе. Перед слушанием между истцом и ответчиком возник конфликт, завершившийся поножовщиной: Дмитрий Альбертус набросился с оружием на Федора Алибеева. Хозяина заслонил холоп, и грек по ошибке нанес ему пять ножевых ударов, от которых тот скончался.

Под следствие в Стрелецком приказе попали Дмитрий Альбертус и Мануил Константинов, на защиту которых встал Юрий Трапезундский. Альбертус сумел организовать извет на Анастаса и Федора Алибеевых-Макидонских: «будто они [в своей земле] были не князья» [РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 4885. Л. 5]. Оппоненты Трапезундского испытывали на себе всю силу его таланта интригана. Создается ощущение, что к началу 40-х гг. XVII в. ротмистр воспринимал себя человеком,

способным даровать или отнимать княжеские титулы у выходцев из Османской империи.

Первоначально в доме Дмитрия Альбертуса была подготовлена бумага с царской титулатурой, к которой заговорщики подклеили два чистых листа. Они объявляли, что готовят на него поручную запись, стремясь уберечь от тюрьмы. Членам греческой общины Москвы его сторонники настойчиво предлагали подписать документ. Ротмистру со сподвижниками удалось найти 53 представителей греческой общины (в большинстве своем членов «греческой роты», живущих в Греческой слободе), способных оставить свою подпись. Сторонники Ю. Трапезундского позже будут настаивать, что ознакомили земляков с полным текстом обращения к властям. Жители же слободы говорили об обмане, когда речь шла о поручной записи в защиту Д. Альбертуса:

Их оманули, велели им руки приложить к порожним столбцом. А сказали, что в статье по князе Дмитрее Албертусе. А того они не ведали, что у них со князем Анастасом да со князем Федором Макидонским брань [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 146–147].

Ротмистр вынудил своих подчиненных – членов «греческой роты» исполнить приказ и добился полного повиновения. Методы собирания подписей соответствовали стилю жизни бывшего корсара. На этот раз полученные листы с внушительным числом автографов доставили Дмитрию Альбертусу. Вероятно, на первом листе находился текст поручной записи, которую показали властям. Д. Альбертус и М. Константинов остались на свободе.

Затем в доме Дмитрия Альбертуса при помощи площадного подьячего прошение поменяли. Заговорщики отклеили первый лист, заменив его изветной челобитной на Алибеевых-Макидонских. Полученный документ, представлявший теперь коллективный донос, подали главе Стрелецкого и Иноземского приказов Ф. И. Шереметьеву. Однако Алибеевы-Макидонские еще ранее направили встречный извет в Посольский приказ, где и проходило все дальнейшее следствие. Судебное разбирательство, в ходе которого проводились многочисленные очные ставки, растянулось на несколько лет. Все подписавшиеся греки принесли в Посольский приказ явки, повествуя о причинах, по которым их автографы оказались на коллективной челобитной против Алибеевых-Макидонских. В частности, Афанасий Семенов утверждал, что «грозил им ротмистр Юрьи с товарищи: толко рук не приложат, и он зделает без корму» [Там же, л. 145–148].

Ю. Трапезундский и его сподвижники явно переоценили степень своего влияния на русских чиновников и соотечественников, посягнув на статус слишком крупных фигур. Для Макидонских не составило труда узнать не только имена действительных авторов извета, но и все их сомнительные поступки. В ходе длительного судебного процесса

Алибеевы-Макидонские едва ли ни ежедневно подавали новые обвинения на каждого из своих оппонентов. Среди них прозвучало указание на несанкционированные контакты с османскими дипломатами:

А тои греческой ротмитр Юрья да он Остафеи да Петр Волошенин с товарищи к тем турским нынешним посланником ходили почасту, и смуту учинили болшую. И то их безделья ведомо в Посольском приказе. А крест оне тебе государю целовали, чтобы служить и во всем тебе государю прямить; А по твоему государеву указу приходить было к ним никаким иноземцем не велено [Там же. Л. 5–6, 219].

Отстаивая перед властями свой княжеский титул, Алибеевы-Макидонские нашли человека, который был вместе с Ю. Трапезундским на Смоленской войне. Изветчик Афанасий Семенов оповестил московские власти о крайне неблаговидной деятельности Ю. Трапезундского и М. Константинова за границей [Там же. Ф. 210. Оп. 10. № 120. Л. 390]. Через семь лет Ю. Трапезундского настигло обвинение в том, что он нарушил присягу и занимался шпионажем.

11 марта 1642 г. против ротмистра началось следствие в Стрелецком приказе [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 104], была запрошена информация в Разрядном приказе. 19 марта дьяк Разрядного приказа Иван Зиновьев составил отписку с описанием событий декабря 1632 г. Он перечислял факты исчезновения 13 «гречан» из русской армии, обнаружения послания к смоленской шляхте с упоминанием о них, отписке Михаила Шеина государю [Там же. Ф. 210. Оп. 10. Стлб. 120. Л. 389]. Ю. Трапезундского и М. Константинова посадили в тюрьму Стрелецкого приказа, где они находились до 22 апреля, а затем были отправлены в Сибирь [Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 114, 177, 180–184, 186–189]. Ротмистра обвинили в государственной измене:

А тот... изменник рохмистрь Юрья Тропизонскои... ведомой вор и крестопреступник, под Смоленским сперва государю изменил и переехал к литовским людям, весть подал, и, быв в Литве, опять переехал к государю, а сказал, будто ево взяли в языках. И про то ево воровство и про измену сыскано. И по сыску сослан он, Юрьи, в Сибирь [Там же. Л. 245].

В Москве у «государева изменника» остался дом в Греческой слободе, где, видимо, продолжала проживать его супруга [Там же. Ф. 214. Оп. 3. № 307. Л. 530]. Бывший «каторжник» с галер оказался в сибирской ссылке, откуда бежать и передавать сведения за границу было невозможно. «Сослан за измену», как воспроизводил в 1648 г. резолюцию по его делу воевода О. И. Щербатов [Там же. Ф. 214. Оп. 3. № 896. Л. 317]. В деле Ю. Трапезундского оказался замешан М. Кон-

стантинов, следствие над которым было начато еще по обвинению в убийстве холопа Алибеевых-Макидонских. Он был доставлен в Сибирь в 1642–1643 гг. [Соколовский, с. 75]. Местом его пребывания был определен Томск, который вновь уравнивал бывших сослуживцев.

О семье Юрия Трапезундского в Сибири не сохранилось сведений. Как отмечалось, он женился в России в конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в., в 1633 г. сумел возвратить жену и детей из ссылки в столицу. Но что стало с его супругой позже, неизвестно. Не исключено, что она осталась в Москве, в Греческой слободе.

Многочисленным семейством в Сибири выделился Мануил Константинов. В Томске он быстро оброс родственными связями, породнился с другим ссыльным, доставленным в Томск 22 сентября 1635 г., Христофором Тонгайловым [Там же]. Х. Тонгайлов, перешедший на сторону русских войск из Смоленска во время ведения боевых действий, вероятно, попытался затем бежать обратно. Это стало причиной направления его из Москвы в Томск закованным в колоды и в сопровождении семьи – сына Мануила Христофорова Греченинова и дочерей Марии и Анны. Одна из них стала женой Мануила Константинова [Там же]. Потомки М. Константинова и Х. Тонгайлова образовали разветвленный клан Гречениновых, занимавших в дальнейшем видные административные посты в Сибири. Восемь сыновей Мануила Константинова входили в земский мир Томска, проявляя себя на должностях послов, военачальников, «рудознавцов» [Там же; Резун, с. 49].

Острая нехватка служилых людей на окраинах Российского государства определила применение сил и квалификации ссыльных в качестве военных. В глубине континента корсар из Алжира Ю. Трапезундский стал сыном боярским по городу Томску. Он нес службу по охране границ от нападений татар и киргизов, участвовал в военных походах [Резун, с. 188–189]. Ему удалось добиться расположения томского воеводы князя О. И. Щербатова. Они являлись членами одного прихода, имели одного духовного отца – богоявленского священника Сидора Лазарева [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 469. Л. 198]. Приближение к власти позволило Ю. Трапезундскому сочетать непосредственные обязанности служилого человека – сбор «ясака» с коренного населения Сибири – с личным обогащением. Несмотря на то, что добыча пушнины находилась в монополии государства, в реальной практике воеводы утаивали часть собранной дани. Помощником в незаконном промысле главы города стал Ю. Трапезундский.

Новоявленный сын боярский включился в контрабандную торговлю (возможно, сказались пиратские навыки). Под руководством О. И. Щербатова он выменивал у местного населения меха на алкоголь и предметы первой необходимости, на Чулыме и в Мелесском остроге занимался незаконной торговлей пушниной с «ясачными людьми». В 1648 г. в челобитных, поданных во время бунта (о чем ниже), отмечалось:

Да он же, князь Осип, посылал от себя с товары во многие земли и в твои в государевы в ясашные волости на Чулым, в Мелеской острог многие русские товары и вино с сыном боярским с Юрьем Тропизонским да служивыми людьми и велел на те свои товары покупать у твоих государевых служивых ясашных людей всякую мяхкую рухлядь [Покровский, с. 97].

Безусловно, это открыло ему широкие возможности для увеличения состояния. Не исключено, что он сумел передавать «соболиную рухлядь» в Москву имевшему обширные связи с греческими купцами Дмитрию Альбертусу.

В 1648 г. в Томске начался острый конфликт мира и воеводы, вылившийся в восстание. Важным аргументом компрометации воеводы перед верховной властью стало обвинение в нарушении интересов государства. Восставшие составили серию челобитных царю с просьбой организовать следствие над главой города, где, в частности, называлось имя Ю. Трапезундского и была описана его незаконная деятельность.

В ситуации, когда вскрылись его нарушения, Ю. Трапезундский перешел на сторону восставших. Авантюрная натура брала верх над прагматизмом, и он, как и ранее, принял сторону победителей (хотя и временных). Включившись в бурные события, преследуя сторонников своего бывшего патрона, он становится активным участником казачьего «воровского» круга. К нему присоединился еще один член греческого землячества Степан Греченинов, бывший лжеархимандрит и участник алхимических практик Дмитрия Палеолога [Там же]. Подвергнутый изгнанию, воевода О. И. Щербатов в своей отписке в Москву 4 августа 1648 г. внес их имена в число главных «советников» главы восставших И. Бунакова, которые «почали свой воровской злой завод и свою воровскую мысль укреплять» [Там же, с. 232].

Власть в томском гарнизоне перешла к восставшим, среди которых деятельно проявлял себя Ю. Трапезундский. Так, 4 августа он оказался среди главных организаторов столкновения «воровских казаков» с оставшимися верными О. И. Щербатову служивыми людьми. Воевода попытался отправить на корабле из восставшего города семью и имущество, а казачий круг постановил предотвратить его бегство и вывоз запасов. Юрий набросился на защитников бывшего главы города и «бил их нещадно», не дав покинуть город [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 89632. Л. 300].

По словам воеводы, мятежники действовали крайне сплоченно: «укреплено у них меж себя, что друг за друга стоять, а которые будут не в их мысль и тех побивать» [Там же. Л. 302]. Ю. Трапезундский готов был на жестокие действия даже по отношению к духовенству. В священнике Сидоре Лазареве он видел лишь политического противника и стал одним из инициаторов нападения на духовного отца, что не показалось ему кощунственным [Там же. № 469. Л. 198].

В руки восставших попали письма священника к сибирскому архиепископу Герасиму с резкой критикой происходящего. На казачьем круге они были оглашены и повлекли обвинения в измене интересам «мира». Узнавший о грозящем наказании духовный наставник попытался найти спасение в алтаре, но Ю. Трапезундский совместно с церковным старостой Сергеем Алексеевым отдал распоряжение закрыть церковь. Священник смирился с грозящей опасностью, полагаясь на Бога и благоразумие своих духовных чад: «видя, что ему от тех воров не обить, приложась к образом, да к ним вышел» [Там же]. Доставленный на судилище, он был вынужден присутствовать, когда зачитывали его корреспонденцию. Предъявив доказательства преступления, восставшие потребовали возмездия, и Ю. Трапезундский с другими мятежниками приступил к расправе. Пострадали и жена и дочь священника, пытавшиеся спасти главу семьи от побоев [Там же. Л. 196–198, 206].

Участие Ю. Трапезундского в противостоянии воеводе не ограничилось организацией карательных мер. Связи в Москве, знакомство с чиновничьим миром, правилами подачи челобитных определили повышенное внимание к нему мятежников при их обращении к высшей власти. Можно предположить, что сын боярский рассказывал своим новым сподвижникам о былом величии, высоком положении в обществе и многочисленных связях. Ему доверили ответственное поручение – оправдать бунтовщиков перед государем и чиновниками. Его направили в Москву с петицией, в которой перечислялись «неправды» Щербатова. Дабы подчеркнуть полную лояльность к верховной власти, мятежники послали в столицу собранный предшествующей администрацией «ясак». По настоянию руководителей восстания Ю. Трапезундский привез конфискованные у воеводы меха (которые сам помогал ему незаконным образом утаивать) в качестве доказательств правоты восставших [Покровский, с. 198].

В Сибирском приказе Ю. Трапезундский подробно изложил точку зрения восставших. Но власти предпочли остаться на стороне воеводы и не оправдали действий казачьего круга. Как неоднократно уже бывало в судьбе «каторжника», он перешел к сильнейшим. Очевидно, Ю. Трапезундский столь успешно начал давать показания на своих недавних соучастников, что быстро завоевал доверие властей. В своих челобитных 1649 г. он утверждал, что лишь выполнил поручения главы города И. Бунакова, привезя «ясак» в столицу. Вероятно, он уже тогда планировал отправиться в Сибирь. Он попросил забрать в Томск из своего дома в Москве «старинных холопов» Кирилла Миклаева и его сына Ивана, Марию Фомину и Домну Фадееву [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 307. Л. 529, 532–533]. Власти дали согласие, и 24 февраля 1649 г. холопам была выписана проезжая грамота [Там же].

Но Ю. Трапезундский задержался в Москве еще на год. На короткое время ротмистр даже восстановил свой прежний статус и в 1650 г.

был вновь определен в Иноземский приказ, возглавив «греческую роту» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. № 52. Л. 10]. Однако удержать пост ему не удалось, на следующий год он оказался в Томске, а «греческой ротой» руководил уже его бывший соперник Николай Кралев.

Ю. Трапезундский возвратился в Сибирь в качестве представителя властей и в 1651 г. судил организаторов восстания [Покровский, с. 330]. Парадоксально, но бывший участник «воровского круга» вышел из Томского восстания 1648 г. со значительным повышением социального статуса. С 1652 по 1661 г. в звании сына боярского он получал один из самых высоких окладов – 14 четей ржи [Соколовский, с. 101, 140]. Проявление авантюрных черт характера лишь помогало его карьере в России. Около 1650 г. он осуществлял приведение в русское подданство кочевников, ездил к киргизам с шерстью. В мае-июне 1658 г. он «дозирал» земли Басогорской волости, где отстроил новый Ачинский острог, перенеся укрепление в другое место – между Чулымом и Кангалом [Резун, с. 189]. После 1662 г. информация о нем обрывается.

К этому времени Ю. Трапезундскому было немало лет (вероятно, больше 60). Первое упоминание о нем относится к 1627 г., причем, судя по списку стран, в которых он успел побывать, он приехал в Россию зрелым человеком. Мануил Константинов, отмеченный в русских документах также с 1627 г., был значительно моложе. Он попал в Россию подростком, его имя встречается в окладных книгах Томска до 1680 г. [Соколовский, с. 101, 140]). Род Мануила Константинова продолжился в Томске дольше всего. А моряк из Трапезунда, побывавший корсаром в Алжире, закончил жизнь в Сибири. География его путешествий невероятна. Во время многолетних странствий он обогнул континент, пройдя из южных морей вдоль берегов Европы, а затем через Северный морской путь попал в Россию. Его жизнь, наполненная удивительными авантюрами, отражает не только склонности его натуры, но и реалии Западной Европы и Малой Азии того времени, когда сложнейшие миграции порождали непредвиденные перемещения людей.

В России военный быстро освоился. Очевидно, этому способствовала сложная идентификация выходца из Трапезунда. Можно предположить, что Юрий Трапезундский не испытывал кризиса идентичности, но каждый раз выбирал наиболее подходящую на тот момент этническую принадлежность, а с ней и конфессию. Не знавший русской письменности, но владевший несколькими языками (итальянским, греческим, турецким, татарским), бывший моряк занял достойное место среди иностранных наемников. В представленных им рассказах, свидетельствах судебных разбирательств и хода службы отчетливо проступает характер иммигранта. Находясь в Москве и Сибири, корсар не менял особенностей поведения, его деятельная натура находила воплощение в походах, вылазках в стан врага, сборах ясака и восстаниях. Смелость,

подвижность и авантюризм отличали всю его жизнь. К иным чертам личности можно отнести склонность к вымыслам и преувеличению своих заслуг.

Греческая колония Сибири XVII в. представляла собой сообщество очень колоритных личностей, прошедших через многие страны и имевших различный цивилизационный опыт. Они пополняли население сибирских городов, зачастую достигая высоких должностей и активно участвуя в освоении новых территорий.

Список литературы

Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 2 ч. М. : Языки славян. культуры, 2003. Ч. 2. 496 с. (Сер. *Studia historica*).

Видясова М. Ф. Социальные структуры доколониального Магриба: генезис и типология. М. : Наука, 1987. 300 с.

Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран // *История Северной Африки.* Тунис. Алжир. Марокко : в 2 т. 2-е изд. М. : Вост. лит. РАН, 2001. Т. 2. 287 с.

Кошелева О. Е., Симонов Р. А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и ее автор // *Книга : исследования и материалы.* Сб. 42. М. : Наука, 1981. С. 63–73.

Лантева Т. А. Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII в. // *Архив русской истории.* 1994. Вып. 5. С. 109–127.

Милюков А. Н. Специфика русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. // *История и археология : материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, нояб. 2012 г.).* СПб. : Реноме, 2012. С. 16–21.

Опарина Т. А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // *Россия и христианский Восток.* Вып. 2–3. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 288–325.

Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // *Отечественная история.* 2005. № 1. С. 22–39.

Опарина Т. А. Новые документы с изложением указа 1627 г. о православной прислуге у неправославных господ // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / под ред. Е. К. Ромодановской.* Новосибирск : Наука, 2005. С. 72–83.

Опарина Т. А. Алхимик, янычар и «родич византийских царей» : Палеологи в России конца XVI – первой половины XVII в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования.* 2016а. № 1. С. 131–158.

Опарина Т. А. План захвата Константинополя греческого купца Николая Христофорова (1644 г.) // *Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. История.* 2016б. Т. 15. Вып. 8. С. 86–95.

Остапчук В., Галенко О. Казачькі Чорноморські походи у Морській Історії Кятіба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів» // *Mapra Mundi : збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя.* Львів ; Київ ; Нью-Йорк : Изд-во М. П. Коць, 1996. С. 371–372.

Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. : Воеводская власть и земские миры. Новосибирск : Наука, 1989. 388 с.

Разрядная книга 1637–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1983. 186 с.

РГАДА. Ф. 141. 1627; ф. 159. Оп. 2; Ф. 150. 1627; Ф. 138. Оп. 1; Ф. 52. Оп. 1; Ф. 77. Оп. 1; Ф. 396. Оп. 2; №. 299; Ф. 210. Оп. 6; Оп. 9; Оп. 10. Оп. 12; Оп. 13. ; Оп. 14; Ф. 214. Оп. 3.

Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий : История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск : Наука, 1993. 250 с.

Селезнева И. А. Золотая и Серебряная палаты. М. : Древлехранилище, 2001. 256 с.

Скобелкин О. В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII в. // Иноземцы в России XV–XVII : материалы междунар. конф. / под ред. А. К. Левыкина. М. : Древлехранилище, 2006. С. 292–302.

Сokolosкий И. П. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : Сова, 2004. 209 с.

Фонкич Б. Л. Иоанникий Грек : (К истории греческой колонии в Москве в первой трети XVII в.) // Очерки феодальной России. Вып. 10. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2006. С. 85–110.

Фонкич Б. Л. Кипрский священник в Ярославле и Москве : (Из истории кипрско-русских отношений в первой четверти XVII в.) // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 238–247.

Цветаев Д. В. Памятники к истории протестантизма в России. Вып. 1. М. : Университет. тип., 1888. С. 246.

Чимитдоржиева Л. Ш. Посольство Степана Греченина к Алтан-хану // Взаимоотношения народов России, Сибири и Дальнего Востока: история и современность : Национальное, социальное и экономическое развитие Байкальской Азии : материалы III междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. Б.-М. Митупов. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2000. С. 70–74.

Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения в XVII в. // М. : Вост. лит., 1958. 172 с.

Шахова А. Д. Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 186–197.

Ostapchuk V. The human landscape of the Ottoman Black Sea in the face of the Cossack naval raids // Oriente Moderno : The Ottomans and the Sea. 2001. Vol. 20. S. n., s. 1. P. 23–95.

Reference

Braudel, F. (2003). *Sredizemnomor'e i sredizemnomorskiy mir v jepohu Filippa II* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, 2 Parts]. Part 2, 496 p. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Cvetaev, D. V. (1888). *Pamjatniki k istorii protestantizma v Rossii* [Documents of the History of Protestantism in Russia]. Vol. 1, 246 p. Moscow, Universitetskaya tipografija.

Chimitdorzhieva, L. Sh. (2000). Posol'stvo Stepana Grechenina k Altan-hanu [The Embassy of Stepan Grechanin to Altan Khan]. In Mitupov K. B.-M. (Ed.). *Vzaimootnoshenija narodov Rossii, Sibiri i Dal'nego Vostoka: istorija i sovremennost' : Nacional'noe, social'noe i jekonomicheskoe razvitie Bajkal'skoj Azii : materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Ulan-Ude, Izdatelstvo Burjatskogo universiteta*, pp. 70–74.

Fonkich, B. L. (2006). Ioannikij Grek : (K istorii grecheskoj kolonii v Moskve v pervoj treti XVII v.) [Ioannikes the Greek (On the History of the Greek Colony in Moscow in the First Third of the 17th Century)]. In *Ocherki feodal'noj Rossii*. St Petersburg, Al'jans-Arheo, pp. 85–110.

Fonkich, B. L. (2004). Kiprskij svjashennik v Jaroslavle i Moskve : (Iz istorii kiprsko-russkih otnoshenij v pervoj chetverti XVII v.) [A Cypriot Priest in Yaroslavl and Moscow (From the History of Cypriot-Russian Relations in the First Quarter of the 17th Century)]. In *Rossija i Hristianskij Vostok*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, pp. 238–247.

Ivanov, N. A. (2001). *Osmanskoe zavoevanie Arabskih stran* [The Ottoman Conquest of Arab Countries]. Vol. 2. 287 p. Moscow, Vostochnaja literatura RAN.

Kosheleva, O. E., Simonov, R. A. (1981). Novoe o pervoj russkoj knige po teoreticheskoj geometrii i ee avtor [New Data about the First Russian Book on the Theory of Geometry and Its Author]. In *Issledovanija i materialy*. Moscow, Nauka. Vol. 42, pp. 63–73.

Lapteva, T. A. (1994). Dokumenty Inozemnogo prikaza kak istochnik po istorii Rossii XVII v. [Documents of the Foreign Prikaz as a Source on the Russian History of the 17th Century]. In *Arhiv russkoj istorii* [Archives of Russian History]. Moscow, 1994. Iss. 5, pp. 109–127.

Miljukov, A. N. (2012). Specifika rusko-mongol'skih otnoshenij vo vtoroj polovine XVII v. [The Peculiarities of the Russian-Mongolian Relations in the Second Half of the 17th Century]. In *Istorija i arheologija: materialy mezhdunar. nauch. konf.* St Petersburg, Renome, pp. 16–21.

Oparina, T. A. (2004). "Ispravlenie very grekov" v ruskoj cerkvi pervoj poloviny XVII v. ["The Purification of the Faith of the Greeks" in the Russian Church the First Half of the 17th Century]. In *Rossija i Hristianskij Vostok*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. Vols. 2–3, pp. 288–325.

Oparina, T. A., Orlenko, S. P. (2005). Ukazy 1627 i 1652 godov protiv "nekreshhenyh inozemcev" [Decrees of 1627 and 1652, against "Unbaptized Foreigners"]. In *Otechestvennaja istorija*. Iss. 1, pp. 22–39.

Oparina, T. A. (2005). Novye dokumenty s izlozheniem ukaza 1627 g. o pravoslavnoj prisluze u nepravoslavnyh gospod [New Documents Containing the Decree of 1627 of the Orthodox Servants under non-Orthodox Landlords]. In Romodanovskaya, E. K. (Ed.). *Obshhestvennaja mysl' i tradicii ruskoj duhovnoj kul'tury v istoricheskikh i literaturnyh pamjatnikah XVI–XX vv.*, Novosibirsk, Nauka, pp. 72–83.

Oparina, T. A. (2016a). Alhimik, janychar i "rodich vizantijskih carej" : Paleologi v Rossii konca XVI – pervoj poloviny XVII v. p [The Alchemist, the Janissaries and the "Relatives of the Byzantine Tsars": Palaeologists in Russia in the Late 16th – First Half of the 17th Centuries]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija*. St Petersburg, Slavic and Balkan studies, Iss. 1, pp. 131–158.

Oparina, T. A. (2016b). Plan zahvata Konstantinopolja grecheskogo kupca Nikolaja Hristoforova (1644 g.) [The Plan to Seize Constantinople by Greek Merchant Nikolay Khristoforov (1644)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija*. Vol. 8, pp. 86–95.

Ostapchuk, V. (2001). The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids. In *Oriente Moderno: The Ottomans and the Sea*. Vol. 20, pp. 23–95.

Ostapchuk, V., Galenko, O. (1996). Kazac'ki Chornomors'ki pohodi u Mors'kij Istorii Kjatiba Chelebi "Dar velikih muzhiv u vojuvanni moriv" [Black Sea Cossack Raids in Maritime History of Kâtip Çelebi "The Gift of the Great Men in Seas Fought for"]. In *Mapa Mundu : Zbirnik naukovih prac' na poshamu Jaroslava Dashkevicha z nagodi jogo 70-richchja*. Lviv, Kiev, N. Y., M. P. Koc', pp. 371–372.

Pokrovsky, N. N. (1989). Tomsk 1648–1649 gg. : Voevodskaja vlast' i zemskie miry [Tomsk between 1648 and 1649: Provincial Power and Self-governance]. 388 p. Novosibirsk, Nauka.

Razrjadnaja kniga 1637–1638 gg. (1983). [Noble Families Register Book of 1637–1638]. 186 p. Moscow, Institut Istorii SSSR.

Rezun, D. Ja. (1993). *Rodoslovnaja sibirskih familij: Istorija Sibiri v biografijah i rodoslovnnyh* [The Etymology of Siberian Surnames : History of Siberia in Biographies and Genealogies]. 250 p. Novosibirsk, Nauka.

RGADA. F. 141 (Prikaznye case of Old age). 1627. № 50; F. 159 (Prikaznye case New Years), op. 2, № 4885; F. 150 (Cases of departures of foreigners in Russia). 1627, № 7; F. 138 (Cases of the Ambassadorial order and employees in it), Op. 1, 1642, № 5; F. 52 (Relations with Greece). Op. 1. 1628. № 3; F. 52. Op. 1. 1633, № 6; F. 52. Op. 1, 1635, № 12; F. 52. Op. 1. 1643. № 1; F. 77 (Relations with Persia). Op. 1, 1627, № 1; F. 396. Op. 2. № . 292, 299; F. 210. Op. 6. №. 45; №. 46; №. 47; №. 48, 50, 52; Op. 9 (Moscow Columns table), №. 902, 911 stlb 2; №. 848; Op. 10. №. 120; Op. 12. №. 93; F. 210, Op. 13, №. 33, 37 131, 278; F. 210, Op. 14. № 107; F. 214 (Siberian Department), Op. 3. №. 84, 89, 307, 469, 659, 896.

Selezneva, I. A. (2001). *Zolotaja i Serebrjanaja palaty* [Gold and Silver Treasuries]. 256 p. Moscow, Drevlehranilice.

Skobelkin, O. V. (2006). Sluzhba inozemcev v Ukrainnom Razryade v 20-h gg. XVII v. [Foreigners' Service in the Ukrainian Razryad during the 1620s]. In Levikin A. K. (Ed.). *Inozemcy v Rossii XV–XVII : materialy mezhdunarodnoj konferencii*. Moscow, Drevlehranilishhe, pp. 292–302.

Sokolovskij, I. R. (2004). Sluzhilye “inozemcy” v Sibiri XVII v. (Tomsk, Enisejsk, Krasnojarsk) [Foreign Servicemen in Siberia in the 17th Century (Tomsk, Yeniseisk, Krasnojarsk)]. 209 p. Novosibirsk, Sova.

Shastina, N. P. (1958). Russko-mongol'skie posol'skie otnoshenija v XVII v. [Russian-Mongolian Ambassadorial Relations in the 17th Century]. 172 p. Moscow, Vostochnaja literatura, 1958.

Shahova, A. D. (2004). Greki v Moskve v XVI–XVII vv. [The Greeks in Moscow between the 16th and 17th Centuries]. In *Rossija i Hristianskij Vostok*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury. Vols. 2–3, pp. 186–197.

Vidjasova, M. F. (1987). *Social'nye struktury dokolonial'nogo Magriba: genezis i tipologija* [The Social Structure of Pre-colonial Maghreb: Genesis and Typology]. 300 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 28.11.2015